

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 598.2

Ю.В. Линник

Петрозаводский государственный университет,
Музей космического искусства им. Н.К. Рериха, Музей Русского Севера,
Карельское отделение Ассоциации Музеев Космоса, г. Петрозаводск, Карелия

О ХРАМОВОЙ АРХИТЕКТУРЕ РУССКОГО СЕВЕРА. ТРИПТИХ

Ключевые слова: *храмовая архитектура, русский Север, изоморфность архитектуры, Святая Троица, деревянное зодчество.*

Обсуждаются традиции храмовой архитектуры русского Севера.

Yu.V. Linnik

ON THE TEMPLE ARCHITECTURE OF RUSSIAN NORTH. TRIPTYCH

Key words: *temple architecture, Russian North, izomorphy of architecture, Holy Trinity, wooden architecture.*

The traditions of temple architecture of Russian North are discussed.

Однажды он удостоился видеть Самого Бога, явившегося ему в трёх Лицах, и беседовать с Ним о том, как создать церковь, построить монастырь и собрать братию. Когда затем он молился о том, где поставить церковь, то ангел Господень указал ему место для неё.

Димитрий Ростовский. Жития святых (30 августа)

Спираль под сенью купола

Две луковичных главы: будто они сцеплены друг с другом – как шестерёнки в часах. Верхняя передаёт вращательный момент нижней.

Как это сегодня может быть прочитано? Святая Троица входит в сердце Александра Свирского. Возникает великий унисон. Это симбиоз человека и Бога. В исихазме он называется синергией.

Сознательно или бессознательно, но мы вправе сказать, что зодчий воплотил эту возможность в архитектурных образах.

В ансамбле собора Покрова на Рву церкви во имя Святой Троицы и Александра Свирского располагаются рядом – первая как бы осеняет вторую. Символическое соседство!

Наш святой лицезрел Святую Троицу воочию. Кто ещё был так близко от Неё? Считай рядом! В двух шагах! Разве лишь библейский Авраам.

Но тому трёхипостасный Бог явился в бытовом окружении, тогда как Александру Свирскому – ведь не зря он был исихастом – предстал в ослепительном сиянии. Это был мощный выход Нетварного Света.

Митрополит Макарий – архитектор храма Покрова на Рву – хорошо знал деревянное зодчество Русского Севера. Ведь долгие годы он занимал новгородскую кафедру. Дружил с Александром Свирским. Могли ли впечатления тех лет как-то отразиться в композиционных решениях московского собора? Давайте искать инварианты.

На этом фото хорошо просматривается, что церковь Александра Свирского – восьмерик на четверике. Так знакомо! Так привычно! Только вместо шатра мы видим удлинённый барабан с куполом. Это другая вариация на тему порывной вертикали.

Она – *космостремительна*. Больше того: *теостремительна*! Выводит в космос – и поднимает к Богу.

Теперь перенесёмся в Заонежье. Славная деревня Космозеро. Деревянная церковь – тёзка московской: тоже посвящена Александру Свирскому. Она сравнительно поздняя: около 1770 г.

Но в какую глубину уводит её генеалогия?

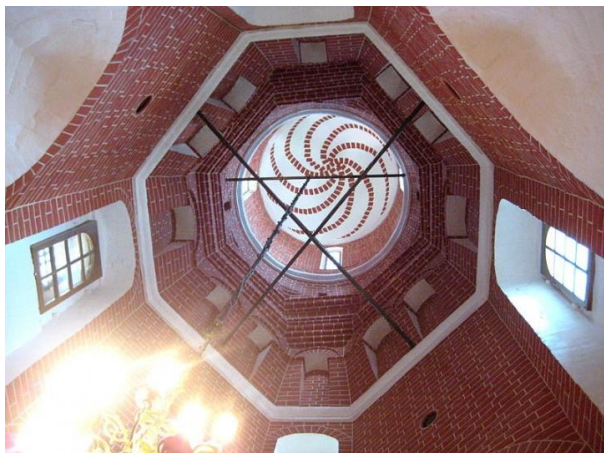
Храмы сменяли друг друга, повторяя исходный архетип. Это как череда поколений. Наследственность предполагает сходство.

Есть летописное свидетельство: коломенское Вознесенье – 1532 г. – строилось *на деревянное дело*. Сейчас мы вошли в область гипотез. Последнего аргумента нет ни у кого. Шатры деревянные могут быть старше шатров каменных. Это вероятно импонирует нам.

Две церкви Александра Свирского – московская и карельская – изоморфны друг другу. Восьмерик на четверике: это общий для них архитектурный принцип.

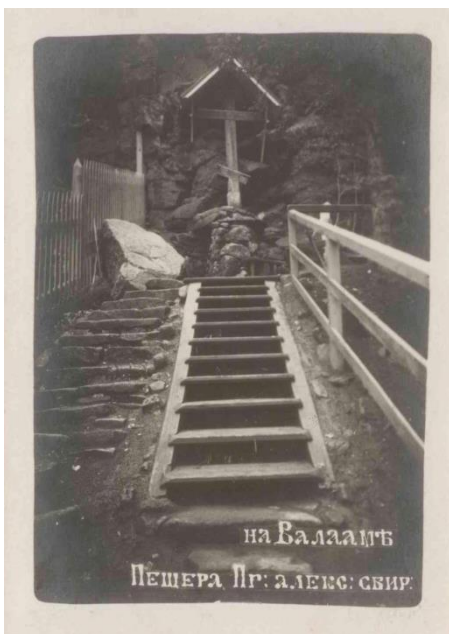

Зайдём в московскую церковь – и запрокинем голову: какая сила вынесет нас в глубины Вселенной? Поразительна экспрессивная спираль, выложенная в куполе храма. Будто Постник и Барма навели мощный рефрактор на галактику *M 74*! Вот они, истоки русского космизма!

*Мессье 74 (NGC 628). Созвездие Рыб.
30 млн. световых лет.*

Александр Свирский занял огромное место в моей жизни. Сортавальское детство! Родители часто отдыхали на Валааме. У нас был катерок. Сами рыбачат – а меня высаживают на Святой остров.

Здесь я любил играть. Романтическое место!

Открытка из фондов созданного мной Музея Русского Севера.

Кто тогда помнил или знал, что здесь подвизался великий боговидец? Райское это было место. Уйма земляники! И много стрекоз.

Я не случайно сейчас вспомнил про этих чудесных существ. С их помощью я пытался объяснить – думаю, что безуспешно – одно своё странное переживание, связанное со Святым островом.

Лежу я – глазами в небо – среди июльского разнотравья. Рядом старый оплывший пенёк. На нём кружка с собранной мной земляникой – для мамы. Грежу, мечтаю. И вдруг вижу: сзади надо мной склоняются три стеклянных силуэта – с крыльями. Абсолютно прозрачные! Плоские, двумерные. Будто и впрямь из стекла вырезаны. Не шелохнувшись, раз-

глядываю их. Или так скажу: смотрю через них – они ничего не заслоняют. Напрягаюсь: надо глаза закатывать – ведь ангелы стояли за спиной.

Вот сказал: *ангелы*. Не было тогда во мне этого слова. Взрослым примыслил. Спустя много лет проинтерпретировал – задним числом. Может, это была проекция стрекоз на детское воображение? Не знаю.

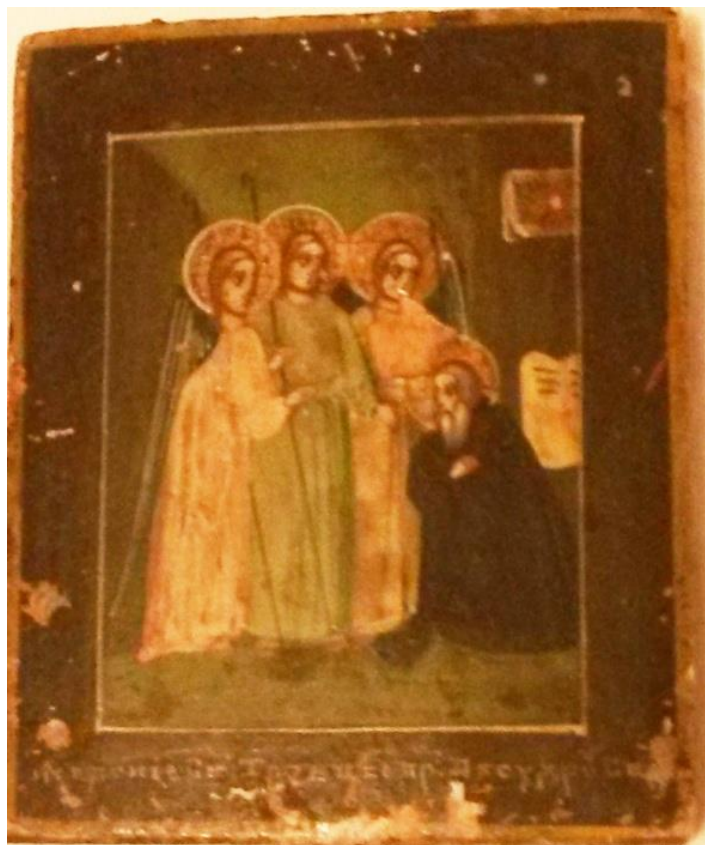
Будучи свободным от всяких амбиций, гоню мысль о том, что это Святая Троица впрямь оказалась мне. Было бы гордыней считать, что ребёнок удостоился теофании. Но это самое сказочное событие моего детства. Оно осенило всю дальнейшую жизнь.

БЛАГОСЛОВЕНИЕ ВАЛААМА

Ещё о восходящем к детству. К моему любимому Валааму. На этой фотографии я держу иконку, где изображено явление Святой Троицы Александру Свирскому – скромный, но очень красивый и достойный образ. Это благословение Валаама.

Наверху карта Олонецкой губернии. Ниже старинная гравюра с изображением герба Новгорода Великого. Явление Святой Троицы произошло на Обонежской пятине. Мы живём на ней. Думаю об этом с гордостью.

Нашёл иконку среди мусора, которым был завален Преображенский собор – место моих детских забав. Смысла иконки не понимал. Вообще забыл о ней. Ещё взял тогда фрагменты позолоченной деревянной резьбы. Остатки от разгромленного тябла иконостаса?

Всё это случайно обнаружилось – всплыло как нельзя кстати – в конце восьмидесятых годов.

Возил иконку на Валаам. Показывал её первому игумену возрождённого монастыря Андронику. В миру это Александр Сергеевич Трубачёв – внук о. Павла Флоренского, хранитель его наследия.

Отца игумена Андроника хорошо помнят петрозаводчане. Сергей Зосимович был дирижёром нашего оркестра. Мальчишкой хо-

дил на его концерты. Такой странный, взлохмаченный!

Мог ли я тогда знать, какой сложной внутренней жизнью под эгидой Советов живёт этот человек, церковный композитор и мыслитель? Побывала иконка и в Александро-Свирском монастыре. С её тыльной стороны я приклеил щепотку песка, взятого на том месте, где произошло светозарное явление Святой Троицы.

Место явления Святой Троицы.

Наш Русский Север обильно намолен. Он источает напитавшую его благодать.

От клинчатого покрытия – к шатру: поэтика метаморфозы

Русская архитектурная мысль – и практическая, и теоретическая – вращается вокруг идеи шатра. Не скажу, что это *idée fixe* – хотя порой кажется: нечто подобное – в самом положительном смысле – всё-таки имеет место. Иван Васильевич Евдокимов (1887–1941), вдохновенный апологет Русского Севера, тут является наилучшим примером. Он был одержим идеей шатра, она превратилась в его манию и главное – сделала эту ярчайшую личность своим поэтом. Не пожалеем места для обширных цитат из книги И.В. Евдокимова «Север в истории русского искусства» (1921):

«Клетцкий» храм являлся только преддверием к шатровому храму, как бы нацупыванием зодчим витающих в его душе форм шатра. Шатровой храм – венец достижений в смысле практического удобства и неизреченной красоты. Он мог быть огромным по высоте, гораздо более вместительным, свободно допускавшим к своим граням, подножию, приделам, алтарям, трапезам, более устойчивым при осадке здания и при сопротивлении северным ветрам. Шатровый храм вместил в своём типе все удобные и полезные детали клетцкого храма – повалы, полицы, крыльца. Строитель имел налицо значительный материал для творчества, обилие деталей, соединив которые со своей внутренней религиозной страстностью к «Дому Божию», стремящемуся ввысь, развернулся в возведении шатровых храмов во всю, положительно гениальную ширь. И так как почти все шатровые храмы поразительны по красоте, где бы они ни стояли – на далёкой ли Кемь, почти у Полярного Круга, около Вологды, в Каргополе, в Устюге, в костромских лесах, то невольно чувствуешь, как проявилось в них соборное

народное творчество, как они были народным делом, были одинаково близким ему по всем концам колоссального края» (с. 29–30).

И ещё: «Припоминая народную психологию при сооружении «клетчиких» храмов, видевишую в них тот же шатровый храм, несколько недоконченный по видимости, но вполне ясный в воображении, можно допустить, что народ примирился с такой же, но уже меньшей видимой недоконченностью и шатрового храма на четверике, раз в его воображении жил полный образ мощного шатра с земли. Но как всё же не красивы и не великолепны шатровые храмы комбинированного типа, они далеко не действуют так полно и глубоко на зрение и сердце, как действуют шатровые, древнейшие храмы» (с. 30–31).

Клетский храм с клинчатым покрытием – предчувствие шатра. Кубоватые покрытия – воспоминание о нём. Это расхожие представления. Они идут от силы живых впечатлений. Во всех трёх случаях архитектура создаёт восходящую тягу – подьмлет нас высь. Главенствует – принимает утрированное выражение – *вертикаль*. Здесь хорошо будет работать категория *высотности*.

В её развитие внёс большой вклад Вячеслав Петрович Орфинский. Замечательное обобщение! Быть может, оно для нашего сравнительного ряда покажется слишком абстрактным – но в нём осевой смысл. Доминирует стремление вверх. Безусловно первенствуя, оно забирает основную энергию – другие координаты подчинены ему. Силуэт это передаёт лучше всего. Третье измерение ступёвывается в сумерках – сходит на-нет.

Однако этим никак не уменьшается, а скорее усиливается эффект вознесения – будто мы и впрямь уходим в занебесье, обретая состояние невесомости. Сила тяжести уже не имеет над нами никакой власти. Контуры успешнее объёмов показывают единство явлений. Именно *показывают!* Тут главное – *чувственное, зрительное*.

Хотя мы вправе сказать и так: редукция до плоских очертаний помогает выявить инвариантность трёх сопоставляемых форм – этим кладётся почин *рациональному* поиску. Гармония наглядного и умозрительного восстановлена. *Клинчатая кровля – и шатёр*: это ассоциативное соположение – или эволюционная последовательность?

В качестве ответа мы предложим гипотезу. Она будет основываться на трёх редких – весьма нетипичных, неординарных – памятниках деревянного зодчества. Вот перечень:

- 1) Знаменская церковь из с. Пылёво. 1742 г.
- 2) Преображенская церковь из д. Спас-на-Сози. 1732 г.
- 3) Воскресенская церковь из с. Хатунь. 1627 г. (первое упоминание).

Эти скромные храмы, покрытые на два ската, несут в себе возможность шатра – готовы прорасти им.

Порженский погост. Георгиевская церковь. 1782 г.

Два клинчатых покрытия – маленькое и большое – создают ощущение усиления, нарастания, эскалации: храм словно замедлил именно в тот момент, когда энергии уже достаточно для взлёта.

Можно сказать так: угол между скатами – в нашем контексте – семиотичен. То есть несёт определённую информацию. Заострение угла указывает

на удаление постройки от обыденных функций. Это один из приёмов «остранения» (В.Б. Шкловский) в архитектуре. Цель тут понятна: указать на сакральный характер постройки – отделить её от земного, дольного.

Плёс. Воскресенская церковь. 1699 г.

По сравнению с Георгиевской церковью экспрессия острого угла тут заметно увеличилась. Это очень яркая и красивая тенденция. Будто скаты хотят выжать максимум!

Поначалу наше утверждение может озадачить: внешний вид церквей не содержит здесь никакого намёка на преобразование, которое нас интересует.

Приближение к форме шатра – чисто визуальное, а не конструктивное – мы привычно связываем с уменьшением угла между скатами. Он становится всё более острым. Двускатное превращается в клинчатое.

Это тоже метаморфоза.

Знаменская церковь из с. Пылёво. Двускатное уже перешло в клинчатое? Клинчатое – всегда двускатное, двускатное – не всегда клинчатое.

В наших сравнениях угломер становится ещё и ценностной шкалой – покрытие несёт всё большую смысловую нагрузку, подчёркивая – от храма к храму резче – сакральный характер постройки.

Угол – существенная категория в архитектурном формообразовании: это инструмент, с помощью которого можно создавать разные впечатления – инициировать разные эмоции. Вот едва намеченный перелом – отклонение от 180° совсем небольшое. От подобных кровель веет покоем и умиротворением. Они работают на релаксацию. Под ними мы обретаем уют.

Теперь – совсем другое: кажется, что скаты вот-вот схлопнутся – и угол исчезнет. Останется перпендикуляр, восставленный к небу. Невольно вспоминаются парадоксы Николая Кузанского, показавшего, что бесконечность растворяет все формы – к примеру, остроугольное становится неотличимым от прямолинейного. Уйти в инфинитное! Эту тенденцию несёт в себе готика. Она вся – горение духа. Вся – экстаз. Вся – порыв. В наших клинчатых покрытиях нет подобной экзальтированности, но они родственны духу готики – воплощают схожую интенцию.

Однако храмы, взятые нами для анализа, никак не ставят рекорда по критерию *клинчатости*. Скажем о понятии: это удачная метафора. Покрытие действительно *клином* входит в небо – распарывает бренную материю – и выносит нас в трансцендентное.

В наших трёх церквях нет этой экспрессии. Для того, чтобы понять их связь с шатровым зодчеством, нам надо заглянуть внутрь храмов. Подчеркнём: *внутри* – ибо *извне* мы ничего не заметим.

Сделаем сейчас крайне важное – принципиальное для нас – методологическое упреждение. Мы изучаем деревянное зодчество в его развитии. Поиск параллелей с биологической эволюцией тут вполне оправдан. Становление форм – их закладка и развёртывание: интуиция подсказывает, что на двух уровнях – природном и культурном – возможно наличие единых закономерностей.

Выдающийся русский эволюционист Алексей Николаевич Северцов (1866–1936) выступил с весьма нетривиальной концепцией *филэмбриогенеза*. Заряд новизны в ней доселе не иссяк. Она эвристична для нашего исследования.

Вот суть: ключевые эволюционные изменения происходят не на стадии взрослости – они намечаются и закрепляются в зародышах. Всё ключевое, этапное дееся в пренатальном периоде. Там – вынашивается. Там – зреет. А.Н. Северцов (1939) пишет: «Теория филэмбриогенеза пытается разрешить вопрос о том, как происходят и в какой период индивидуальной жизни возникают те изменения, которые ведут к филогенетическому преобразованию строения взрослого организма» (с. 478).

Очень ответственное понятие: *преобразование*. От меры к мере – от формы к форме – от структуры к структуре: природа и зодчество имеют здесь интереснейшие унисоны. *Внутренние* трансформации и там, и тут часто ведут к радикальному изменению *внешнего* облика.

Пример – готика: массивное, непроницаемое стало ажурным, прозрачным – чудо произошло, прежде всего, потому, что давление крестового свода приняли на себя нервюры и арки, неисповедимо зародившиеся в лоне романеска. Это *глубинная* перестройка. Она изменила *лик* архитектуры – её *стиль* – её *геиштальт*: то бишь всё то, как она *выражает* себя – как *являет* свою сущность миру.

Надо ли говорить о том, сколь значим для млекопитающих волосяной покров? Наиважнейший признак! Он и сферу эстетического затрагивает. Это декоративно: полосчатая зебра – и пятнистый леопард. Это целый спектр: масти лошадей.

Мех – шерсть – щетина: вначале они были скрыты – существовали как бы в эскизе – и лишь потом выказали себя. Глядя на предков животных, облекшихся в столь разнообразные одеяния, мы даже не заподозрили бы, что у этих голокожих существ уже предзадан совсем другой облик.

Таков филэмбриогенез. Воспользуемся условным понятием *эктосферы*. Это знаковый слой бытия, обращённый прежде всего к нашей чувственности – к очесам человека. Это *поверхностное* – но не в уничижительном смысле. Тончайшая информационная оболочка! Рукотворная красота активно участвует в её наполнении.

Деревянные храмы – с выразительностью их абрисов – достойно вписаны в *эктосферу*. Пылёвская церковь не теряется среди них. Эта чудесная галерея! Эта уникальная апсида! Неповторимые черты – налицо.

Теперь познакомимся с интерьером храма. Что мы увидим, подняв голову вверх? Подобие шатра! Именно так: под привычной кровлей – нечто внезапное, непредсказуемое. Пылёвская церковь чревата восьмигранным шатром. Одна форма вложена в другую: двускатие таит в себе пирамиду.

Конечно, шатры создавались много раньше – и у них могла быть совсем не та эволюция, какая рисуется в нашей модели. То, что мы видим в Пылёво – очень похоже на *филэмбриогенез*. Это системное сближение. Инвариантность, высвечиваемая в нём – донельзя общая. Согласны: это скорее метафора, чем аналогия.

Не хотим буквалистского понимания: оно привело бы к разрыву той тонкой нити, какую мы пытаемся протянуть от биологии к архитектуре – налаживание таких связей, пусть на чисто ассоциативной основе, представляется нам полезным. Пылёвская церковь – нечто парадоксальное. Выходящее из ряда вон!

*Свод Знаменской церкви из с. Пылёво.
Фото А.В. Ополовникова.*

Клинчатое – и шатровое: совмещение столь разных конструкций не имеет прецедента. Возникает ощущение, что церковь с двускатной кровлей несёт в себе эмбрион шатра – разрешение от бремени станет знаменательным для деревянного зодчества. Такое восприятие – пусть кому-то оно покажется субъективным – нам внушила Елена Александровна Ополовникова.

Читаем у неё: *«Внешний облик построенной в 1742 году Знаменской церкви вполне традиционен и, как отмечалось, имеет немало схожих черт с уже рассмотренными памятниками. А вот интерьер её необычен, точнее, внутреннее перекрытие храма совершенно неожиданно для клетского типа церквей. Оно представляет собой невысокий шатёр в форме восьмигранного свода со скосами-«парусами» по углам. Благодаря своду внутреннее пространство храма, несмотря на свой малый объём, выглядит просторным, значительным»* (Ополовников, Ополовникова, 2007. С. 234).

Елена Александровна по-своему излагает и развивает мысли отца. У Александра Викторовича Ополовникова мы находим два подхода к проблеме – два сравнения. В одном из них присутствует шатёр. Впрочем, перед нами нечто больше, чем оставленное без комментария соположение разнородных явлений – компаративистика подсказывает серьёзные выводы. Читаем у маститого автора: *«Перекрытие представляет собой невысокий шатёр или – по аналогии с каменными храмами – восьмилотковый свод с некоторым подобием «парусов» по углам»* (Ополовников, 1986. С. 149–150). Относительно восьмилоткового свода – и впрямь аналогия. Касательно шатра: никак не сравнение – и не уподобление. Скорее отождествление. Оно поразило меня. Понятие шатра употреблено А.В. Ополовниковым в прямом и однозначном смысле. Невероятное перекрытие! Феномен озадачивает.

Я решил посоветоваться с Игорем Николаевичем Шургиным. Некогда он участвовал вместе с А.В. Ополовниковым в обследовании этой церкви. Привожу отрывок из его письма: *Перекрытие в собственно церкви я бы никак не называл шатром. Это, как пишет и Ополовников, «по аналогии с каменными храмами – восьмилотковый свод с некоторым подобием «парусов» по углам». Так мастера-плотники пытались передать в дереве формы каменных конструкций. Другой памятник с подобным устройством перекрытия, но не на 8, а на 4 грани – церковь из Спаса-на-Сози (перевезена в тот же музей в Василёво). Посылаю фото этих перекрытий. Оба снимка А.В. Ополовникова 1974 г. У меня в то время не было хорошего фотоаппарата. Вид сводов на чердаке, т. е. сверху, очень интересен. Аналогичная ситуация в 18-19 веках и с «небесами». В том же Кенозере «небеса» в клетских часовнях.*

И.Н. Шургин даёт свое истолкование перекрытия. Это нормально. Перед нами столь необычный объект, что ожидать единодушия в его интерпретации не приходится – разные подходы закономерны. И.Н. Шургин отсылает к небесам кенозерских часовен. Контекст расширяется! Это радует и увлекает.

*Кенозеро. Тырышкино.
Часовня Параскевы Пятницы.*

Чисто формальное – по алгоритмам топологии – преобразование небес этого типа в восьмигранный шатёр не составляет затруднений. Но происходило ли что-то подобное в реальности?

Мы видим совсем низкую пирамиду. Отход от плоскости здесь едва намечен. Вытянуть её в шатёр? Это – в плотницком измерении – применительно к практике – всё-

таки проблематично. Хотя как знать. Тырышкинское небо, взятое в качестве примера – и пылёвский шатёр: их изоморфизм очевиден. И.Н. Шургин дал теме свой поворот.

Теперь обратимся к четырёхгранному своду Преображенской церкви из д. Спас-на-Сози. Фотоаппарат А.В. Ополовникова усугубил его глубину?

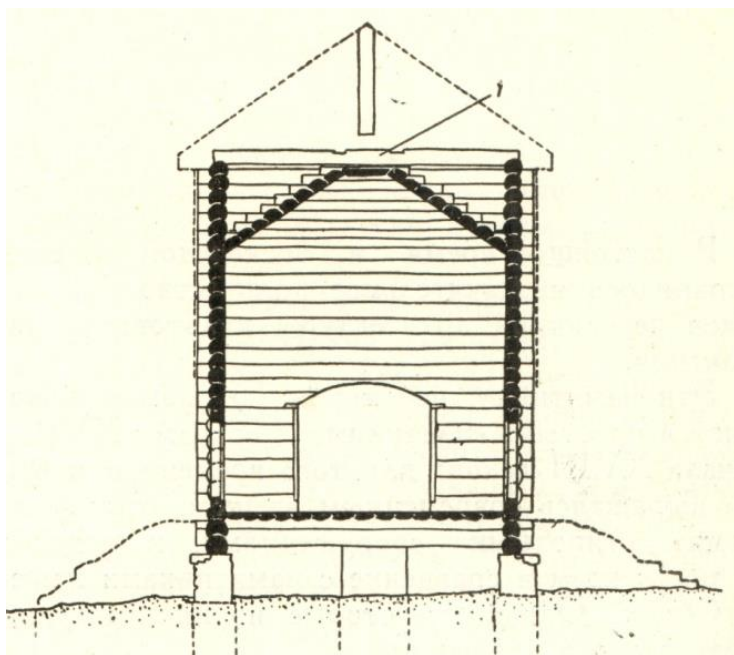

*Свод Преображенской церкви
из д. Спас-на-Сози. Фото А.В. Опо-
ловникова.*

*И вот современный снимок: Будто колодец в
небо прокопали!*

О храме со схожим перекрытием ещё в 1962 г. писал Ю.Н. Гумбург: «Приём устройства потолка и сруба брёвен в виде усечённой пирамиды, венцы которого с внутренней стороны обтёсаны теслом, архитектурной наукой не был отмечен, и видимо был неизвестен. Это обстоятельство, безусловно, вызовет интерес к памятнику» (Гумбург, 1962. С. 188).

Ю.Н. Гумбург. Разрез церкви в с. Хатунь. 1 – бревно поперечной связи.

Естественно, что учёный не знал о будущих открытиях А.В. Ополовникова – у хатунской церкви нашлись аналоги. Ю.Н. Гумбург выводит этот конструктивный приём из опыта возведения на Руси крепостных башен (с. 189).

Оборонное зодчество – и культовые постройки: эта связь давно обсуждается – Ю.Н. Гумбург укрепил гипотезу весьма убедительным аргументом.

Четырёхгранные своды в Спасе-на-Сози и в Хатуни – восьмигранная пирамида небес из Тырышкино – восьмигранное покрытие в Пылёво: отвлекаясь от географических и хронологических реалий, мы поставили бы эти объекты в один ряд, придав ему – на условиях интеллектуальной игры – эволюционный смысл.

На тех же условиях вновь обратимся к А.Н. Северцову. Учёный выделял в *фил-эмбриогенезе* три ступени:

- 1) *архаллаксис* – метаморфоз намечается на самой ранней стадии;
- 2) *девиация* – средняя стадия;
- 3) *анаболия* – завершающая стадия.

Возникает соблазн спроецировать наши примеры на эту схему. Мы видим, как идея шатра, зародившись в недрах внешне чуждой ей формы, претерпевает прогрессирующее усложнение – апробирует и укрепляет себя. Пылёвский шатёр видится как своеобразная намётка будущего. Пока лишь только заявка – только проект.

Он далёк от осуществления? Или вообще мечтателен и фантастичен? Под покровом двух скатов свершается таинство. Надо ли ожидать, что шатёр на этой гипотетической траектории развития однажды получит окончательное оформление – и обнаружит себя со всей явностью, пройдя именно через те фазы, какие мы обрисовали? Будто проклюнется через клинчатое покрытие! Выйдет на волю. И небо примет его роды.

Это дань поэзии. Это метафора!

Мы вообразили, что скаты откидываются наподобие стартовых мачт при взлёте ракеты – и открывшийся взгляду шатёр взмывает в небеса.

В реальности мог осуществиться другой сценарий. И не один: вероятно конвергентное происхождение формы шатра. Но программа становления, которую мы эксплицировали из наших трёх самобытных церквей, вполне логична. Поэтому она может представлять интерес для теории.

Образ шатра занимает огромное место в русском национальном сознании. Это – символ. Это то, что просится на герб страны – как лучшее воплощение её сокровенных чаяний. В терминах Аристотеля скажем так: шатёр – *энтелехия* русского зодчества. Его целевая причина. Его идеал.

Если перейти на язык синергетики, то шатёр – это *аттрактор*: своего рода магнит, некогда мощно действовавший из будущего, он притягивал зодчих – и направлял по своим силовым линиям их поиск.

Сегодня понятие *аттрактора* всё чаще сближают с понятием платоновой *идеи*.

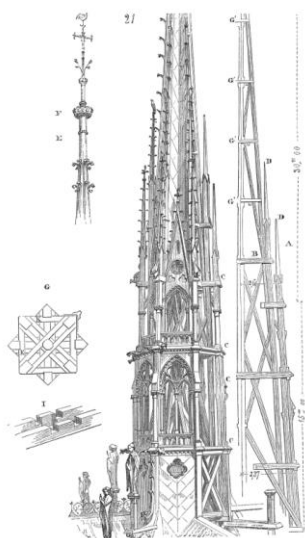
ПРИЛОЖЕНИЕ I

НИКОЛАЙ КУЗАНСКИЙ – ИДЕЯ БЕСКОНЕЧНОСТИ – АРХИТЕКТУРА

Космос эллинов конечен. Со страхом они обнаружили: там, где бесконечность – там невозможна форма. Ведь она обязательно *очерчена* – *оконтурена* – *оконечена*. Ей положен предел. А тут – *беспредельность!* И *неопределённость!* И *неопределимость!*

От конечного космоса – к бесконечной Вселенной: так Александр Койре обозначил радикальный переход, осуществлённый Ренессансом. Вот парадоксы Николая Кузанского (1979): «Поскольку любая часть бесконечности бесконечна, у треугольника с одной бесконечной стороной другие тоже обязательно будут бесконечными. Но нескольких бесконечностей не бывает, и за пределами воображения ты трансцендентно понимаешь, что бесконечный треугольник не может состоять из нескольких линий, хоть этот максимальный, не составной и простейший треугольник есть истиннейший треугольник, обязательно имеющий три линии, и, значит, единственная бесконечная линия с необходимостью оказывается в нём тремя, а три – одной, простейшей. То же в отношении углов: в нём будет только один бесконечный угол, и этот угол – три угла, а три угла – один. Не будет этот максимальный треугольник и состоять из сторон и углов, но бесконечная линия и угол в нём – одно и то же, так что линия есть и угол, раз весь треугольник – линия» (с. 69).

Бесконечное в конечном: что креативней этой антиномии?

Готика.

Церковь
Георгия Победоносца на
Поцком погосте. 1700 г.

Треугольник из трактата Николая Кузанского «Об учёном незнании». Мы дерзнули развернуть его – направили острием вверх. Вытягивая фигуру выше и выше – безудержно, неостановимо – мы получим эффект, о котором пишет Николай Кузанский: углы сколлапсируют – останется бесконечная вертикаль.

Согласно Николаю Кузанскому, бесконечность снимает различие между треугольником и прямой линией – эта индифферентность присутствует и в западной готике, и в наших шатрах, как некая потенция. Гравитация сдерживает их устремление. Представим себе, что она отключена: тогда метаморфоза Николая Кузанского в принципе могла бы стать явью.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

**ЦЕРКОВЬ С КЛИНЧАТЫМ ПОКРЫТИЕМ В ТВОРЧЕСТВЕ ИСААКА
ЛЕВИТАНА**

Исаак Левитан. Над вечным покоем. 1894 г.

*Исаак Левитан. Деревянная церковь в Плесе при последних лучах солнца. 1888 г.
Этюд. Бумага на картоне, масло. 14 х 24 см. Частное собрание.*

В картине И.И. Левитана «Над вечным покоем» совмещены разные географические реалии: ландшафт – озеро Удомля под Вышним Волчком, храм – Петропавловская церковь в г. Плёс на Волге. Чудесная церкушка сгорела в 1903 г. В 1982 г. на её место была перевезена Воскресенская церковь из с. Билуково (1699 г.).

Воскресенская церковь из с. Билуково. 1699 г.

Над вечным покоем.
Деталь.

Великая картина создаёт ощущение свободного парения в пространстве. Гравитация внутри неё если не отсутствует вовсе, то сильно ослаблена. Какой вклад в создание этого впечатления вносит церковь с её клинчатым покрытием?

Норвежское – русское: дивергенции и конвергенции

Ойкумена ошеломляет своим разнообразием. В нём можно утонуть – выручают инварианты: повторяющиеся черты – признаки – элементы. Как радует сходное в несходном! Вот мы открыли Новый Свет – и ахнули: пирамиды Мексики отзываются в пирамидах Египта. Генетическая связь? Она исключается.

Перед нами красивый пример *конвергенции* – независимого возникновения одинаковых признаков. *Подобия – аналогии – параллелизмы*: это источник интеллектуального удовлетворения – это приносит нам эстетическое удовольствие. Единство бытия! Оно удивляет – оно радует.

Деревянное зодчество Норвегии – и Русского Севера: ассоциативное сближение тут напрашивается само собой. Искус найти связь между этими явлениями испытали крупные исследователи. Увлечённо ставили проблему – и быстро разочаровывались: переключка форм – внешняя, поверхностная. Копнёшь глубже – и увидишь: наполнение разное – структурные решения, по сути, альтернативны.

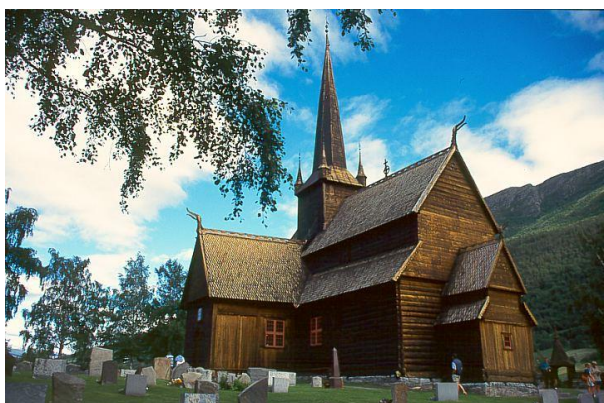
Приведу два примера такого охлаждения. В.В. Суслов (1888) пишет: «Если мы будем сравнивать прялки, скалки, ящики и т.п. предметы, встречающиеся на нашем Севере с таковыми же предметами в Стокгольмском северном музее, то в общих формах и в орнаментистике почти не увидим разницы. Между тем, просматривая древние памятники церковной архитектуры той и другой страны, мы едва ли увидим и малейшее сходство» (с. 9).

Ставкирка в Хеддале. 1242 г.

Ширков погост. Церковь Рождества Иоанна Предтечи. 1694 г.

Лум. Ставкирка. 1200 г.

Юковичи. Георгиевская церковь. 1493 г.

В книге В.В. Суслова мы находим изображения двух колоколен – норвежской и русской. Рисунки оставлены без комментариев. Однако в контексте подразумевается их противопоставление. Это – разное. Это – несовместимое. Если и сравнивать, то с одной целью: предельно дистанцировать объекты друг от друга. Между тем они выполняют одинаковую функцию. Полное отсутствие взаимосответствий тут вряд ли возможно.

Е.В. Ходаковский (2014) разделяет мнение В.В. Суслова: «Вопрос о взаимовлиянии строительных традиций обеих стран, казалось бы, лежит на поверхности, однако давние попытки найти аналогичные постройки или хотя бы свидетельства косвенных воздействий пока не приводят к убедительно доказанным результатам» (с. 22–23).

Мы не будем оспаривать эту позицию. Она правомерна. Однако всё же не в абсолютном, а в относительном смысле – для определённой системы отсчёта. Смени таковую – и многое изменится. Появятся новые критерии. Сложится иная оценочная шкала. Теперь мы будем получать результаты, противоречащие прежним выводам.

Норвежская колокольня.

Русская колокольня.

Но это зиждательное противоречие. Оно ведёт не к отрицанию, а к соположению – синтезу взглядов. Не лишне востребовать принцип дополнительности Нильса Бора. Вспомнить про диалогизм Михаила Бахтина. Рассчитывать ли на толерантность? Мы и впрямь намерены сопоставлять *внешние* признаки. При этом подразумевается субординация: внешнее – это второстепенное, *внутреннее* – это существенное.

В теории номогенеза Льва Семёновича Берга (1922) преодолевается данный подход: признаки двух видов – *внутренние* и *внешние* – рассматриваются как паритетные. Вводится великое понятие *конвергенции*. Оно означает схождение – как бы взаимоуподобление, *взаиморезонирование* – внешних признаков.

Противоположный процесс – расхождение признаков – называется *дивергенцией*. Корректно ли переносить в сферу культуры и методы, и термины биологии? Почин кладёт сам С.Л. Берг. В его книге «Номогенез» имеется параграф «Духовная жизнь». Понятие конвергенции там экстраполируется на лингвистику, этнографию, искусствоведение. Охватывает он и зодчество. Интересно, что экскурс в эту область предваряется примерами, взятыми из зоопсихологии. Л.С. Берг апеллирует к В.А. Вагнеру (1910). Вот цитата из его «Биологических оснований сравнительной психологии»: «*Архитектура построек пауков вообще, их гнёзд и коконов в частности, не представляет чего-либо выработанного видом на свой страх и по своему особому образцу, вследствие чего постройки видов, ничего общего по своей организации не имеющих, могут будто бы иметь совершенно сходные, а представители одного и того же рода – совершенно различные архитектуры*» (с. 307).

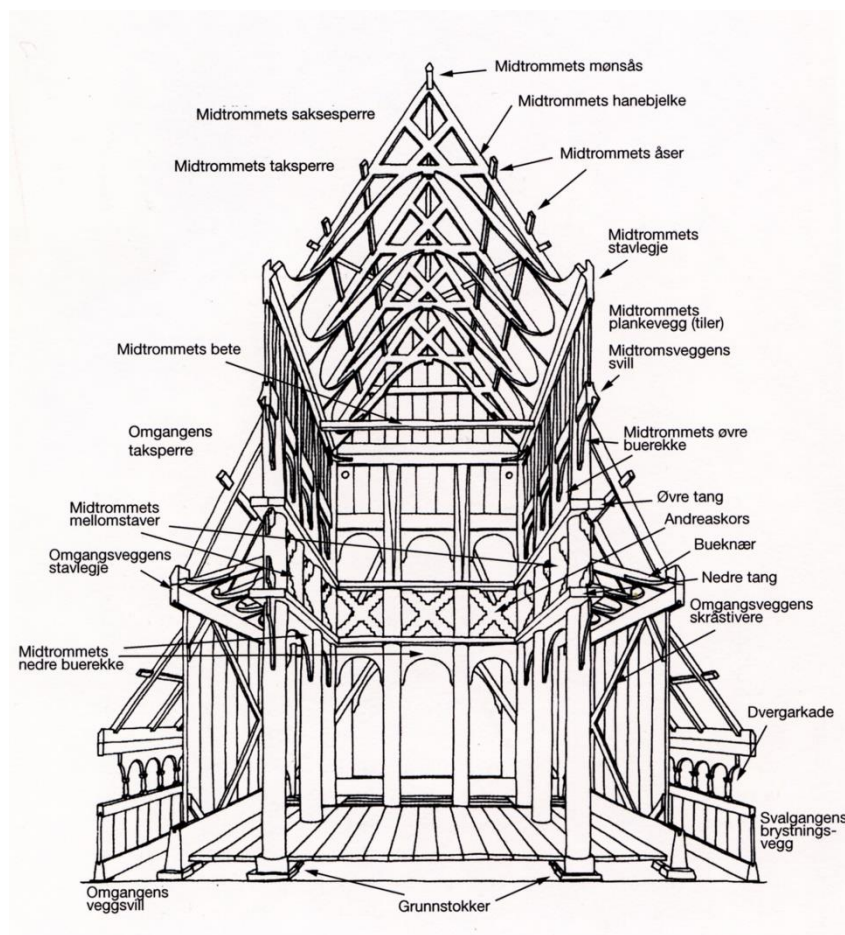
Формообразование в деревянном зодчестве, хотя и является ноосферным явлением, отчасти сохраняет инерцию биологической эволюции. Жизнь поначалу пласта-

ся – стелется по субстрату. Она как бы держится горизонтали. Потом на разных уровнях – под влиянием разных условий и факторов – берёт верх вертикаль. Здесь это можно понимать буквально. Именно так: *берёт верх*. Устремляет ввысь! Известна мифология *Axis mundi* – Мировой Оси. Незыблемому отвесу следуют и рост дерева, и прямохождение человека, и сакральные сооружения.

Норвежские ставкирки и русские шатровые церкви конвергируют по этому признаку. Они *коллинеарны*. Это общий – предельно общий – признак. Он означает: силуэты храмов изоморфны – изоритмичны. Сколь глубокую информацию несут в себе контуры! Быть может, самую главную – ключевую – для храмовой архитектуры, чья цель высока и мистериальна: оторвать человека от земли – вознести в небо. Культовые постройки – автопортреты духа: в них схватывается его главная интенция – устремление к Богу.

Норвегия и Россия смотрятся в зеркала с различным дизайном. Но многое здесь – амбивалентно. К понятиям горизонтали и вертикали – это одна из главных оппозиций культуры – мы сейчас опять обратимся, но зададим им новые коннотации.

Норвежские и русские деревянные храмы контрастируют – не столько извне, сколько изнутри – прежде всего в том отношении, что брёвна при строительстве укладываются здесь по-разному: у норвежцев – вертикально (иногда в центре храма мы видим столп-мачту – отсюда понятие *мачтовой архитектуры*), у русских – горизонтально (мы это называем *срубом*).

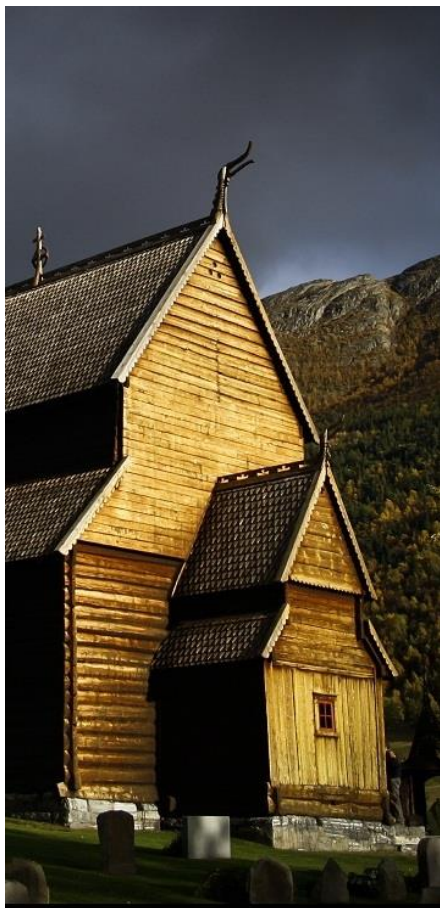
Рентгеноскопия ставкирки.

Выбор из двух направлений в данном случае не несёт в себе ценностных обертонов. Безразлично, какой приём мы используем – храмы сущностно совпадают в создаваемом ими эстетическом впечатлении.

Налицо структурное – тектологическое – различие. Это – *внутреннее*. Но *внешнее* в данном случае фундаментальней.

Нет правила без исключения. В Норвегии мы находим уникальную ставкирку, частично сложенную как сруб (Ходаковский, 2014. С. 116).

Конвергенция здесь охватывает и внутренние признаки. Но так ли это существенно для эстетического восприятия? Мы за апологию *внешнего*. Этот наружный слой имеет особое значение для культуры. На него направлено эстетическое восприятие. Понятие стиля связано, прежде всего, с ним.

*Лум и Юкс-
вичи. У обеих церк-
вей – срубная осно-
ва: редкий случай,
когда похожесть
затрагивает и тех-
нологию.*

*Каупангер.
Церковь XII-го века.
Реконструирована в
XIX-м веке. Это
срубная постройка?*

Вот мысли
Л.С. Берга (1922):
«Разница между
внутренними и
внешними признака-
ми чисто условная.
...Вовсе нельзя
утверждать, что
внешние признаки

*менее постоянны, чем внутренние, или анатомические, хотя такой взгляд и распро-
странён среди анатомов (с. 161).*

Эти положения актуальны и для культуры. Философия давно различает явление и сущность. Демаркация между ними бывает и чёткой, и зыбкой. Порой мы наблюдаем их релятивизацию. *Явленное*: это первостепенно для эстетики. Сходство явленного – для неё – сущностное сходство. Правоммерно говорить о конвергенции норвежских и русских храмов. Их унисон впечатляет.

ИНДИЙСКИЙ МИФ

Наука – и миф. Это не всегда антагонизм. Возможны переплетения: когда очевидные – когда неявные. Эмансипироваться от мифа – раз и навсегда – наука не в состоянии. Это хорошо показал А.Ф. Лосев в своей «Диалектике мифа». Полная дистилляция науки – освобождение её от мифогенной примеси, как того требует неопозитивистская установка – видится малореальной задачей.

История русского зодчества имеет свой миф. Это убеждение, что наша архитектура восходит к индийским пракорням – связана с ними как следствие и причина. Подчеркнём: речь идёт именно о корневой – филогенетической – связи. Видные деятели культуры, начиная с Александра Брюллова, показывают приверженность этой идее. Нельзя исключить, что она восходит к некоторым архетипам, общим для индоевропейского мира.

Русь издревле тяготеет к Индии – проецирует на неё свои грёзы и упования. Вспомним предания о гимнософистах. Вспомним «Белую Индию» Николая Клюева. Лев Владимирович Даль снаряжал экспедицию в Индию: хотел со всей достоверностью показать, что там и только там – источник национального зодчества. Русский Север сообщил ему сильнейшие импульсы именно в этом – юго-восточном – направлении.

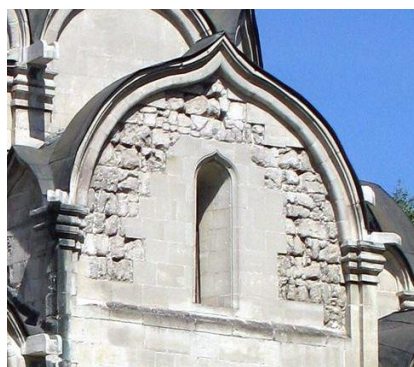
Программу Л.В. Даля сегодня пытаются реализовать А.В. Рачинский и А.Е. Фёдоров. Недавно ими издана яркая, но спорная книга (Рачинский, Федоров, 2016). Вот её позитив: в ней собран обширный документальный материал, имеющий несомненную ценность – независимо от интерпретации. Он сам по себе – оправдание замысла.

Выражая своё несогласие с индоцентризмом в истории архитектуры, мы будем опираться на «Номогенез» Л.С. Берга – полифилию предпочтём монофилии. Говоря иначе, станем выводить обе традиции из разных корней – но там, где возможно, искать между ними взаимно-однозначное соответствие. Формальное сходство не предполагает кровного родства.

Индийский миф поэтичен. Но в аспекте теории уязвим: постулируется эволюционная преемственность между архитектурой Индии и Руси – выражаясь образно, делается попытка обнаружить азийские гены и в храме Покрова на Рву, и в кижской Преображенской церкви. Это чересчур прямолинейная – по нашему мнению, упрощающая суть – концепция. Здесь игнорируются и реалии этногенеза, и разрывы во времени.

*Аджанта. V в. н. э.
Предначертание бочки,
закомары, кокошника?*

*Русский аналог. Спасский
собор. Спасо-Андроников
монастырь. 1427 г.*

*Красная Ляга. Сретено-
Михайловская церковь.
1655 г.*

Сменим парадигму – перейдём в другую систему отсчёта: многочисленные параллелизмы, как бы рифмующие индийскую и русскую архитектуру, отсюда нам видятся никак не в *диахронии* – хотя того хотелось бы апологетам индийского мифа. Гля-

дите: вот эстафета переходит от индусов к славянам, позволяя документально зафиксировать живую связь. Вовсе нет! Мы говорим о *синхронии*, понятой нетривиально – как специфическая одномоментность, отменяющая часы и календари за отсутствием в них смысла и пользы.

Как если бы проблему мы ставили в надмирных измерениях. Всё – сейчас. Нам предстаёт проявление – в разных эпохах и в разных регионах – единого комплекса идей. Категория времени теперь фактически теряет своё значение. Исторический подход исчерпывает себя. Проблема рассматривается *sub specie aeternitatis* – с точки зрения вечности. Л.С. Берг (1922) пишет: «Конвергенция может распространяться и на мир идей. В основе этих психических конвергенций лежат тождественные или сходные элементарные идеи (*Elementargedanken*), присущие в одинаковой форме всем народам и с необходимостью, по внутренним причинам, вытекающие из одинаковой психической организации всего человечества» (с. 178).

Лук и стрелы – каменные орудия – рыболовные сети: на разных материках это возникает само по себе – с некоей имманентной необходимостью – почти фатально. Никто никому не подражает. Не ездит за передовым опытом. Плагиат исключён. Л.С. Берг продолжает: «Подобно организмам, элементарные идеи получают дальнейшее развитие под влиянием окружающей среды» (с. 178). Тут совмещаются *эндогенез* (врождённая программа – следование архетипу) и *эктогенез* (наружные условия – наличие модификаций). Экология накладывает свою печать.

Но превалирует универсальное – укоренённое в метафизическом. Л.С. Берг принимает платоновскую концепцию *идеи-организма*. Это особая форма жизни? Вечной жизни?

Удайпур. Комплекс дворца раджей (XVI–XVIII в.в.)

Архангело. Михайло-Архангельская церковь. 1715 г.

Пучина – в Индии, пучина – в России. Выявление таких подобий самоценно. Это особый вид интеллектуальной игры, имеющей большое эвристическое значение – она может предварять строгий системный анализ.

Семена идей – или сперматические логосы, как любили выражаться стоики – прорастают всюду. Для них подходит любой субстрат. Индия и Русь ярко конвергируют на общей для всех культур и миров архетипической основе.

Наши формы – отнюдь не заёмные. Или скажем так: и Индия, и Россия, и все другие этносы заимствуют у платонова мира идей – улавливают его посылы, свободно варьируя и преломляя их.

Мы ничего не можем сказать об онтологическом статусе этого мира. Для кого-то он является высшей реальностью – кто-то видит в нём сугубо условное понятие. Идеи и архетипы для Платона – синонимы. Коллективное бессознательное – по Карлу Юнгу – есть кладезь архетипов. Не суть важно, кто, где, когда – и каким способом – его заполнил: гипотетический Творец – или априорная логика формообразования. Архетипы – действуют. Архетипы – проявляются. Архетипы – закрепляются в материале.

Принцип конвергенции А.А. Любищев распространил на астробиологию. Мы тоже вправе это сделать, фантазируя на тему инопланетного зодчества – в других мирах нас ждёт много нового, но смеем надеяться: главное будет узнаваемо – будет сопрягаться с известным.

Что-то очень похожее мы уже видели – что-то подобное сами строили на Земле.

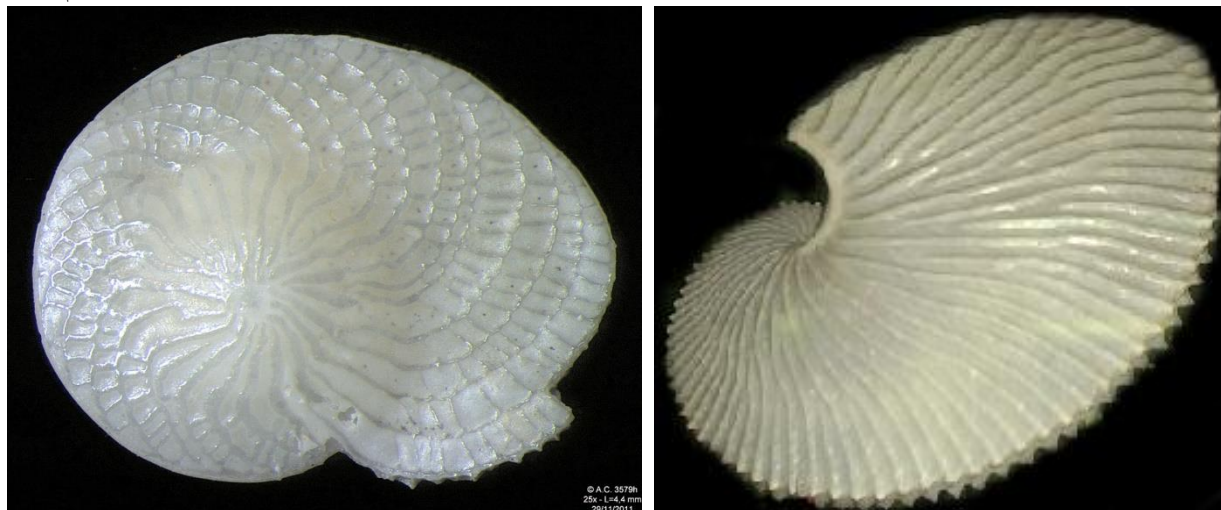
ПРИЛОЖЕНИЕ II

К ПОНЯТИЮ ПАРАЛЛЕЛИЗМА

Конвергенция – важнейшая категория ноосферы. Для изучения этого феномена должны создаваться целые институты. Применительно к нашей теме мы можем назвать несколько случаев параллелизма. Понятно, что речь идёт об архитектуре – о используемом ею материале:

- 1) Индия – камень, Россия – дерево.
- 2) Россия – камень, Россия – дерево.
- 3) Западная Украина – дерево, Север России – дерево.
- 4) Шатровые храмы с $h >$ основания – шатровые храмы с $h <$ основания.

Это неполный список. Подход можно дифференцировать и дальше. Вопрос о генетической связи дискуссионен лишь для четвёртого случая. Всё остальное – конвергенция.

Это самый любимый у А.А. Любищева пример конвергенции: одноклеточная фораминифера и раковина моллюска.

Разве отсутствие прямой преемственности – чего-то похожего на миграцию сюжета – уменьшает важность проблемы? На мой взгляд, она лишь углубляется и усложняется – требует свежих решений. Александр Александрович Любищев был сторонником номогенеза. Он досконально отработывал свой методологический аппарат. В частности, требовал точности в употреблении понятий. Вот его соображения о необходимости различать параллелизм и конвергенцию.

1) Параллелизм филогенетический или палеонтологический, когда две линии развиваются так, что различия между ними не увеличиваются. Если различия увеличива-

ются, то это будет дивергенция, если сближаются, то это будет истинная конвергенция; 2) систематический: в двух группах разыскиваются соответствующие представители: гомологические ряды, происхождение может быть зигзагообразно; 3) морфологический параллелизм – то есть подобие двух неродственных ни в систематическом, ни в генеалогическом смысле форм, он указывает на корреляцию частей (систематически же указывает на структуру системы, филогенетический же указывает на ортогенез). Морфологический параллелизм большей частью называют конвергенцией совершенно неправильно, так как для конвергенции необходимо, чтобы что-нибудь конвергировало; в истинном смысле о конвергенции можно говорить только тогда, когда удалённые в естественной системе группы (а для этого, конечно необходимо, чтобы была построена хотя бы частично естественная система) сближается по своему расстоянию в системе по мере филогенетического развития; доказательств этого вполне точных я не знаю (Любищев, 1923).

Ортогенез – это направленное развитие, исключая случайность. Что-то у А.А. Любищева является спорным. Однако мы убеждены: в применении к теории и истории деревянного зодчества наработки учёного могут принести большую пользу. Различные формы единства питают в нас чувство возвышенного. *Параллелизмы – изоморфизмы – аналогии*: они могут переживаться экстатически – вызывать эйфорию.

Спирали галактик – и спирали моллюсков: тождество их геометрии мы воспринимаем с восторгом. Формы конвергируют независимо от субстанции – масштаба – функции. За этой переключкой стоит *Λόγος*. Принцип конвергенции помогает нам обобщить разнообразие, при этом не обедняя его – не сводя к сухим схемам. Это не унификация!

Единство – в разнообразии, разнообразие – в единстве: принцип конвергенции работает на утверждение этой диалектики.

ПРИЛОЖЕНИЕ III

ГОМОЛОГИЧЕСКИЕ РЯДЫ В АРХИТЕКТУРЕ

Саратов. III Всероссийский селекционный съезд. 4 июня 1920 Николай Иванович Вавилов делает здесь доклад на тему «Гомологические ряды в наследственной изменчивости». Океан признаков! Благо, что в нём имеет место повторяемость – возникает возможность упорядочить ошеломительное разнообразие.

Н.И. Вавилов выстраивал из признаков параллельные последовательности – эти серии красиво отзывались друг в друге.

Коленчатые злаки! Иногда их узлы-суставы окрашены антоцианом. Если этот признак мы обнаруживаем у одного вида, то можно уверенно предсказать: он проявится и у другого.

Как и периодическая таблица Д.И. Менделеева, закон гомологических рядов Н.И. Вавилова обладает прогностической силой – на его основе можно предсказывать неизвестные формы.

Архитектура Индии – и русская архитектура: возникает соблазн выстроить из них гомологические ряды. Наверняка получится! Наши северные шатры, бочки, кубы: так интересно обнаруживать их двойников в экзотической Индии!

Этот экскурс в область биологии мы делаем для того, чтобы показать: идеи науки о живом можно и должно экстраполировать на культуру.

Список использованной литературы

Берг Л.С. Номогенез, или эволюция на основе закономерностей // Труды Географического института. Том 1. СПб.: ГИЗ, 1922. 306 с.

Вагнер В.А. Биологические основания сравнительной психологии. Том 1. СПб, М.: Издание т-ва М.О.Вольф, 1910. 435 с.

Гумбург Ю.Н. Деревянная церковь в подмосковном селе Хатунь // Архитектурное наследство. Вып. 14. М.: Государственное издательство литературы по строительству, архитектуре и строительным материалам, 1962. С. 185–192.

Евдокимов И.В. Север в истории русского искусства. Вологда: Издание Союза Северных Кооперативных Союзов, 1921. 232 с.

Кузанский Николай. Сочинения в 2-х томах. Т. 1. М.: Мысль, 1979. 488 с.

Любищев А.А. Письмо Л.С. Бергу от 28.10.1923. Архив автора.

Ополовников А.В. Русское деревянное зодчество. М.: Искусство, 1986. 310 с.

Ополовников А.В., Ополовникова Е.А. Бревенчатый Иерусалим, Часть 1. М.: Ополо, 2007. 528 с.

Рачинский А.В., Федоров А.Е. Славяно-арийские истоки русской архитектуры. М.: Вече, 2016. 624 с.

Северцов А.Н. Морфологические закономерности эволюции. М. –Л.: АН СССР, 1939. 610 с.

Суслов В.В. Путевые заметки о Севере России и Норвегии. СПб.: Типография А.Ф. Маркса, 1888. 75 с.

Ходаковский Е.В. Деревянные мачтовые церкви средневековой Норвегии. СПб.: Аврора, 2014. 256 с.